

«РЕЛИГИОЗНОЕ ЧУВСТВО» ГЛАЗАМИ БЕРГОЛЬО

В качестве вступительной статьи к новому итальянскому изданию «Религиозного чувства» (Милан, 2023) использован текст выступления архиепископа Буэнос-Айреса Хорхе Марио Бергольо (ныне папа Франциск) на презентации испанского перевода книги в Буэнос-Айресе 16 октября 1998 г.

Когда я выступил на презентации испанского издания «Религиозного чувства» со словами, легшими в основу этой статьи, с моей стороны это не было формальным следованием протоколу или, как могло бы показаться, простым научным интересом к книге, в центре которой – объяснение нашей веры. Прежде всего я совершил подобающий жест благодарности по отношению к монсеньору Джуссани. На протяжении долгих лет его труды вдохновляли мои размышления, помогали мне молиться. Они научили меня быть лучше как христианина, и в моем выступлении я хотел свидетельствовать об этом.

Отец Джуссани – один из тех непредвиденных даров, которые Господь дал нашей Церкви после [Второго Ватиканского] Собора, позволив расцвести – независимо от любых структур и пастырских программ – людям и движениям, являющим чудеса новой жизни в лоне Церкви. Тридцатого мая 1998 года на площади Святого Петра папа (Иоанн Павел II – *Примеч. перев.*) пожелал публично встретиться с новыми церковными общинами и движениями. Это было действительно трансцендентное событие. Особым образом он попросил четырех основателей четырех движений выступить со свидетельством. Среди них был отец Джуссани, который в 1954 году, начав преподавать религию в миланской государственной школе, дал жизнь движению «Общение и освобождение», сегодня присутствующему в более чем шестидесяти странах мира и глубоко любимому папой.

«Религиозное чувство» – книга, адресованная не исключительно тем, кто принадлежит к Движению; она и не только для христиан или верующих. Это книга для всех людей, серьезно относящихся к собственной человечности. Осмелюсь сказать, что сегодня перед нами стоит не столько проблема Бога, проблема существования Бога, познания Бога, сколько проблема человека, познания человека, проблема обретения в человеке того отпечатка, который Бог оставил в нем, чтобы человек мог встретиться с Ним.

Fides et ratio

По счастливому совпадению презентация этой книги состоялась на следующий день после публикации энциклики Иоанна Павла II *Fides et ratio* [«Разум и вера»], которая начинается следующей глубокой мыслью: «Внимательный взгляд на древнюю историю в изобилии находит свидетельства тому, что в различных частях света, где развивались самобытные культуры, люди одновременно задавали себе вопросы, которыми знаменуется жизнь всех людей: „Кто я? Откуда я пришел? Куда я иду? Почему существует зло? Что ждет меня после этой жизни?“ Мы находим эти вопросы в священных писаниях Израиля, а также в Ведах и „Авесте“; мы встречаем их в трудах Конфуция и Лао-Цзы, в проповедях тиртханкар и самого Будды, в поэмах Гомера и в трагедиях Еврипида и Софокла, в философских сочинениях Платона и Аристотеля. Все эти вопросы вызваны необходимостью обрести смысл (потребность в котором человек изначально очень остро ощущает в своем сердце), и от ответа на эти вопросы зависит, какое направление человек изберет в своей жизни (*Fides et ratio*, 1).

Книга монсеньора Джуссани созвучна энциклике: она адресована всем людям, серьезно относящимся к собственной человечности, серьезно относящимся к этим вопросам. Как ни парадоксально, в «Религиозном чувстве» мало говорится о Боге и много – о человеке. В ней много говорится о наших «почему», о наших высших потребностях. Цитируя протестантского богослова Нибура, сам Джуссани объясняет, что «нет ничего невероятнее ответа на незаданный вопрос» (R. Niebuhr. *The Nature and the Destiny of Man: A Christian Interpretation*. NY: Charles Scribner's Sons, 1955. Vol. 2. P. 6). В этом состоит одна из проблем нашей культуры супермаркета, выступающей с предложениями, доступными каждому и успокаивающими сердце: нужно дать голос вопросам сердца.

Вот вызов. Перед бесчувственностью жизни, перед спокойствием, предлагаемым по бросовой цене культурой супермаркета (пусть даже она предстает в крайнем многообразии форм), вызов заключается в том, чтобы обратиться к самим себе с истинными вопросами касательно смысла человека, касательно нашего существования, и дать себе на эти вопросы ответ. Но, если мы хотим ответить на вопросы, на которые мы не осмеливаемся или не умеем отвечать или которые мы не в силах сформулировать, мы выйдем нелепо.

Когда человеку, забывшему или вычеркнувшему свои основополагающие «почему» и пламенную жажду своего сердца, говорят о Боге, для него это отвлеченные, эзотерические разговоры, или побуждение к набожности, никак не влияющей на жизнь. Нельзя начать говорить о Боге, если прежде не сдуть пепел, гасящий пылающие угли основополагающих вопросов. Первый шаг – найти смысл этих вопросов, спрятанных, погребенных, возможно почти умирающих, но существующих.

Беспокойство сердца

Драма современного мира – результат не только отсутствия Бога, но и, прежде всего, отсутствия человека, утраты его лица, его судьбы, его идентичности, способности прояснять основополагающие потребности, обитающие в сердце. Всеобщий менталитет и, увы, менталитет многих христиан предполагает, что между разумом и верой существует непреодолимое противоречие. На самом же деле (и это еще один парадокс) «Религиозное чувство» подчеркивает тот факт, что всерьез говорить о Боге – значит превозносить и защищать разум, открывать его ценность и правильный метод его применения. Разум, понимаемый не как предустановленная мера реальности, а как открытость перед реальностью в совокупности всех ее факторов, чья отправная точка – опыт, чья отправная точка – онтологический фундамент, пробуждающий беспокойство сердца. Невозможно поднять проблему Бога перед сердцем спокойным, безмятежным, поскольку в таком случае мы говорили бы об ответе без вопроса.

Разум, размышляющий об опыте есть разум, для которого критерием суждения выступает сопоставление всего с сердцем, с сердцем в библейском смысле как с совокупностью исходных потребностей, свойственных любому человеку: в любви, в счастье, в истине и в справедливости. Сердце – ядро внутренней трансцендентности, в котором укоренены истина, красота, добро и единство, приводящее в гармонию все сущее. Именно в таком смысле мы определяем человеческий разум: это не рационализм, не лабораторный рационализм, идеализм или номинализм (последний сейчас в большой моде), все могущие, претендующие на обладание реальностью через обладание цифрами, идеями или через рационализацию. Или, если мы хотим пойти еще дальше, претендующие на обладание реальностью через совершенное владение техникой, которая превосходит нас в тот самый момент, когда мы ее применяем, в результате чего мы впадаем в то, что Гвардини любил называть «второй формой некультуры». Мы говорим о разуме не умаленном, не исчерпываемым математическим, научным или философским методом. Любой метод сообразен своей среде применения и своему специфическому предмету.

Экзистенциальная уверенность

Что касается отношений между людьми, единственный сообразный метод, позволяющий достичь истинного знания, – в том, чтобы жить, жить вместе в живой компании, которая посредством множества знаков и опыта помогает прийти до «нравственной уверенности», как называл ее Джуссани, или, лучше, до «экзистенциальной уверенности» (Ср. Л. Джуссани. *Религиозное чувство*. М.: Христианская Россия, 2004. С. 22–26). Это единственный подобающий метод, поскольку уверенность формируется не в голове, а в гармонии всех способностей человека и обладает всеми характеристиками для того, чтобы быть уверенностью одновременно реальной и рациональной.

В свою очередь вера есть особое применение метода нравственной, экзистенциальной уверенности, особый случай доверия другому на основании знаков, подсказок, сближения, свидетельства других людей. При этом вера не противоречит разуму. Как и все свойственные человеку действия, вера разумна, что, однако не означает, что ее можно свести к чистому умозрению. Она разумна, но – усилим фразу – не умозрительна.

Почему существует боль, почему существует смерть, зло? Почему стоит жить? Каков конечный смысл реальности, существования? В чем смысл работы, любви, посвящения себя миру? Кто я? Откуда я пришел? Куда я иду? Вот великие и основополагающие вопросы, которыми задается молодой человек и человек взрослый, и не только верующий, но любой человек, будь он атеист или агностик. Рано или поздно, особенно в крайних жизненных ситуациях, перед лицом огромной боли или огромной любви, в опыте воспитания детей или в совершении бессмысленной, на первый взгляд, работы, эти вопросы неизбежно всплывают. Их невозможно искоренить. Я сказал, что ими задаются в том числе и агностики, и хотел бы упомянуть здесь, отдав ему дань уважения, великого поэта из Буэнос-Айреса, агностика Орасио Армани. В его стихотворениях читатель находит выражение вопросов, открытых для ответа.

Всеобъемлющий ответ

Человек не может удовлетвориться урезанными или частичными ответами, которые вынуждают его отбросить или забыть тот или иной аспект реальности. И все же мы это делаем, но тем самым только бежим от самих себя. Человек нуждается в полном ответе, охватывающем и спасающем всю широту его «я» и его существования. В нем живет тяга к бесконечному, бесконечная тоска, ностальгия – *nostos algos* Улисса, которую утоляет лишь столь же бесконечный ответ. Человеческое сердце раскрывается как знак Тайны, того, что (или кто) является бесконечным ответом. Вне Тайны потребность в счастье, любви, справедливости никогда не находит ответа, по-настоящему удовлетворяющего сердце человека. Если бы этого ответа не существовало, жизнь была бы абсурдным желанием.

И не только человеческое сердце, но и вся реальность предстает как знак. Знак – нечто конкретное, он указывает направление, то, что можно увидеть, что раскрывает смысл, что можно переживать на опыте, но что отсылает к иной, незримой реальности.

С другой стороны, чтобы задаваться вопросами перед лицом знаков, нужна глубоко человеческая способность, первая из тех, которыми мы обладаем: изумление, способность изумляться, как говорит отец Джуссани; в конечном счете нужно детское сердце. Начало любой философии – изумление, и лишь оно ведет к познанию. Заметьте, нравственный и культурный упадок возникает, когда такая способность изумляться ослабевает, сходит на нет или умирает. Культурный опиум стремится свести на нет, ослабить или убить способность изумляться. Папа Лучани (бл. Иоанн Павел I – *Примеч. перев.*) однажды сказал, что драма современного христианства заключается в том, что оно на место изумления ставит категории и нормы. Изумление предшествует любым категориям, оно подталкивает меня к поиску, побуждает открыться; именно благодаря ему становится возможным ответ. Ответ не словесный и не умозрительный, поскольку, если изумление открывает меня как вопрос, единственный ответ – это *встреча*. И только во встрече утоляется моя жажда, нигде больше.